

Клименко В.Ф.

ДВА СБРУЙНЫХ КОМПЛЕКСА КОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В ДОНБАССЕ

Статья посвящена публикации двух средневековых погребальных комплексов с металлическими сбруйными украшениями. Стратиграфия этих погребений указывает на ритуальное их разрушение – перед нами обряд обезвреживания погребенных.

Среди курганов, исследованных енакиевской экспедицией “Эврика” под руководством автора, выделим два, исследованных в 1975 и 1986 гг. Эти курганы содержали по одному погребению средневековых кочевников, где среди инвентаря были найдены металлические сбруйные украшения. Несмотря на то, что информация по этим комплексам дана [Клименко 1998, с. 63-67, рис. 21, 4; Клименко и др. 1994, с. 89-90, 93, 95, рис. 33, 2-4; 34, 1-7; Клименко, Цымбал 1991, с. 33, рис. 15, 1-5; 2002, с. 47, рис. 21, 2; 2005, с. 181-182], требуется, на наш взгляд, более детальная публикация материалов обоих курганов.

Раскопки 1975 г. Курган I высотой 1,7 м, диаметром 14 м расположен в центре группы из трех небольших курганов на расстоянии 0,6 км к северу от террикона шахты “Булавинская” у п. Булавинское близ г. Енакиево на правом берегу р. Булавин. В Своде исследованных курганов на территории Донецкой области в XX в. этот памятник зарегистрирован под № 172 [Свод данных ... 2004, с. 62, 77, рис. 4]. Среди жителей поселка ходила легенда о том, что в кургане захоронена золотая шапка хана Мамаю [Клименко 2008, с. 30-31]. Очевидно, это связано с распространенным мнением, что курганы в наших степях являются «татарскими» или «турецкими» могилами [Усачук и др. 2004, с. 24]. Интересно, что в Донецкой области зафиксировано название кургана «Мамаева Могила» (у с. Староласпа Тельмановского р-на) [Усачук и др. 2004, с. 24].

В верхней части гумусированной насыпи сооружена из небольших плит песчаника (в поперечнике от 0,2 до 1,3 м, толщина до 0,15 м) обкладка в виде панциря мощностью до 0,5 м. В кургане обнаружено одно погребение, разрушенное в древности.

Погребение 1 находилось в центре кургана. Так как в темной насыпи кургана уровень погребенной почвы проследить не удалось, пятно могильной ямы зафиксировано на уровне каменистого материка (на глубине 1,95 м от вершины кургана). Яма подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами вытянута с востока на запад. Размеры ее 2,65×0,9×0,65 м. Западная часть ямы сужена до 0,7 м. Вдоль северной стенки ямы сделан уступ шириной 0,15 м, углубленный на 0,2 м. Яма заполнена черноземом с небольшими камнями. Глубина ямы 0,64-0,65 м (2,59-2,60 м от вершины кургана). С учетом не прослеженной погребенной почвы реальная глубина ямы п. 1 была больше. На дне ямы в восточной части лежали две берцовые кости и фрагмент копчиковой кости взрослого человека [Клименко и др. 1994, с. 93, рис. 33, 2]. Остальные находки сделаны в засыпке ямы на разных глубинах (рис. 1).

В северо-западном углу ямы в верхнем слое засыпки (чуть ниже уровня уступа) лежали фрагменты плохо сохранившейся нижней челюсти лошади, южнее которых находились составная бляха (№ 1) и десять серебряных блях-наконечников (рис. 1). Глубина залегания блях – 2,00 м. Какая-либо упорядоченность в положении блях отсутствовала: составная бляха и шесть пластинок блях-наконечников лежали на ребре по отношению к плоскости дна погребения. Чуть севернее фрагментов нижней челюсти и немного выше в засыпке лежал диафиз бедренной кости лошади. В центре ямы в засыпке на глубине 2,47 м обнаружены две круглые и сердцевидная серебряные бляхи (рис. 1), а выше в засыпке и к северо-востоку от этих блях – фрагменты бедренной и лучевой (?) костей лошади, составные бляхи (№ 2, № 3) и пара стремян (рис. 1). Кости лошади находились чуть выше уровня выступа, а стремяна и составные бляхи – на глубине 1,98 м.

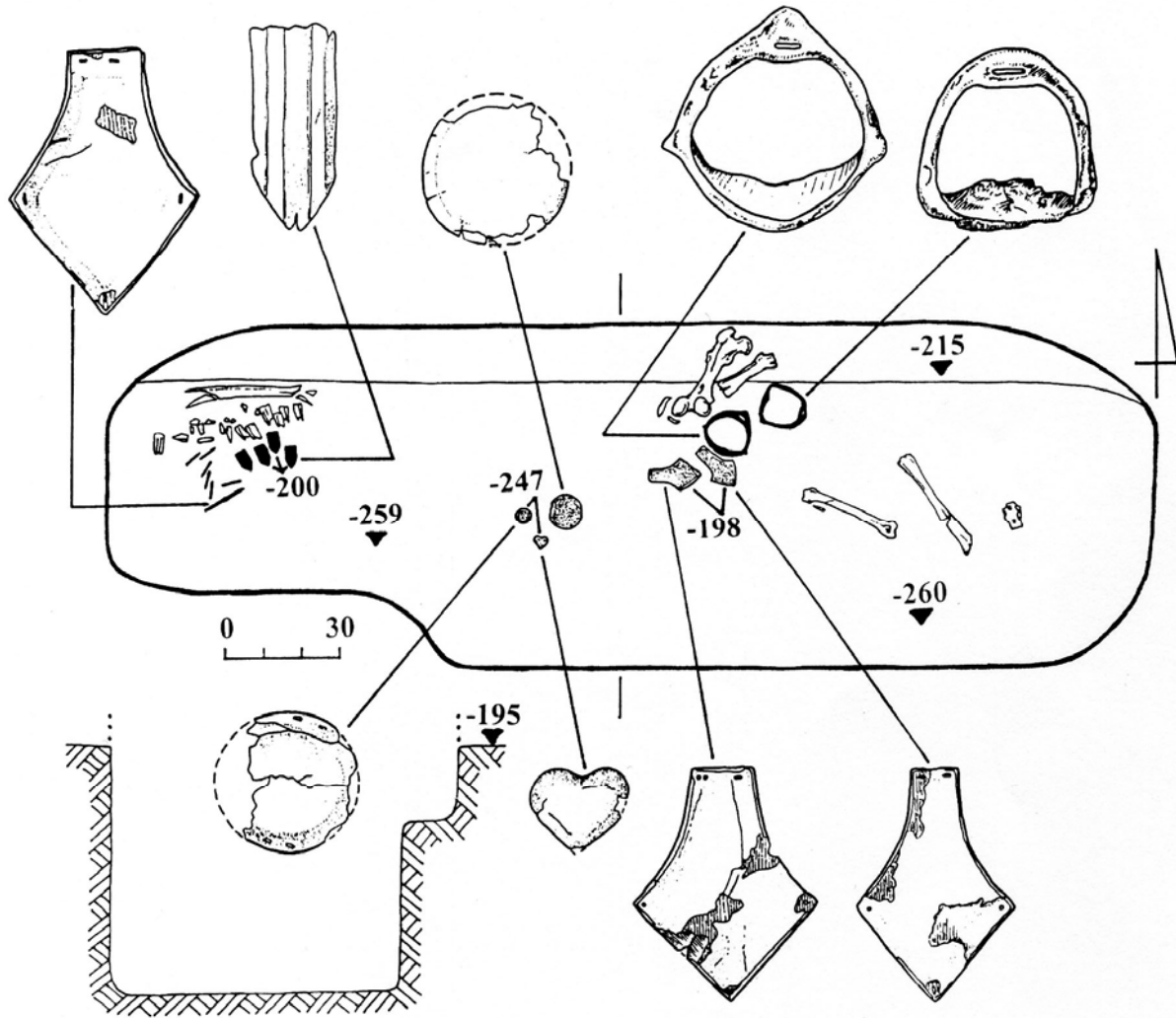

Рис. 1. Булавинское, к. I п. 1 (рисунки-схемы инвентаря даны в разных масштабах)

Fig. 1. Bulavinskoje, barrow I burial 1 (figures-schemes of funeral are given in different scales)

Бляха-решма № 1 стреловидной формы, выпуклая, длиной 17 см, шириной 12,2 см. Ширина основания 4,6 см. Изготовлена из двух тонких листов: с тыльной стороны – бронзовый, с лицевой – серебряный. На поверхности серебряного листа видны следыковки. По периметру бляхи участки серебряного листа аккуратно прокованы. Из-за этого центральная часть бляхи выглядит более выпукло. Система крепления листов по краю – внахлест с загибом. Край серебряного листа – внутри, край бронзового – снаружи. Между листами деревянная прокладка. Между деревянной прокладкой и серебряным листом сохранился слой грубой ткани. По краям изделия стыки бронзового и серебряного листов скреплены бронзовыми скобами (на рис. 2, 1 деталь крепления дана в масштабе 1:1). Толщина бляхи в средней части 1, 2 см. Толщина листов менее 1 мм. Диаметр скоб 1-1,5 мм (рис. 2, 1).

Бляха-решма № 2 стреловидной формы, выпуклая, длиной 15,2 см, шириной 11,6 см. Ширина основания 4 см. Тыльная сторона представляет собой тонкий бронзовый лист. Лицевая сторона покрыта двумя листами серебряной фольги, соединенными внахлестку. Под фольгой слой грубой ткани. Из пяти бронзовых скоб сохранились две. Толщина изделия в средней части 0,5 см (рис. 2, 2).

Бляха-решма № 3 стреловидной формы, выпуклая, длиной 15 см, шириной 11 см. Ширина основания 3,5 см. Тыльная сторона изготовлена из бронзового листа, лицевая – из

тонкого серебряного. От него сохранился фрагмент со слабыми следамиковки. Под серебряным листом слой грубой ткани. Из пяти бронзовых скоб сохранилось три. Толщина изделия в средней части 0,3 см (рис. 2, 3).

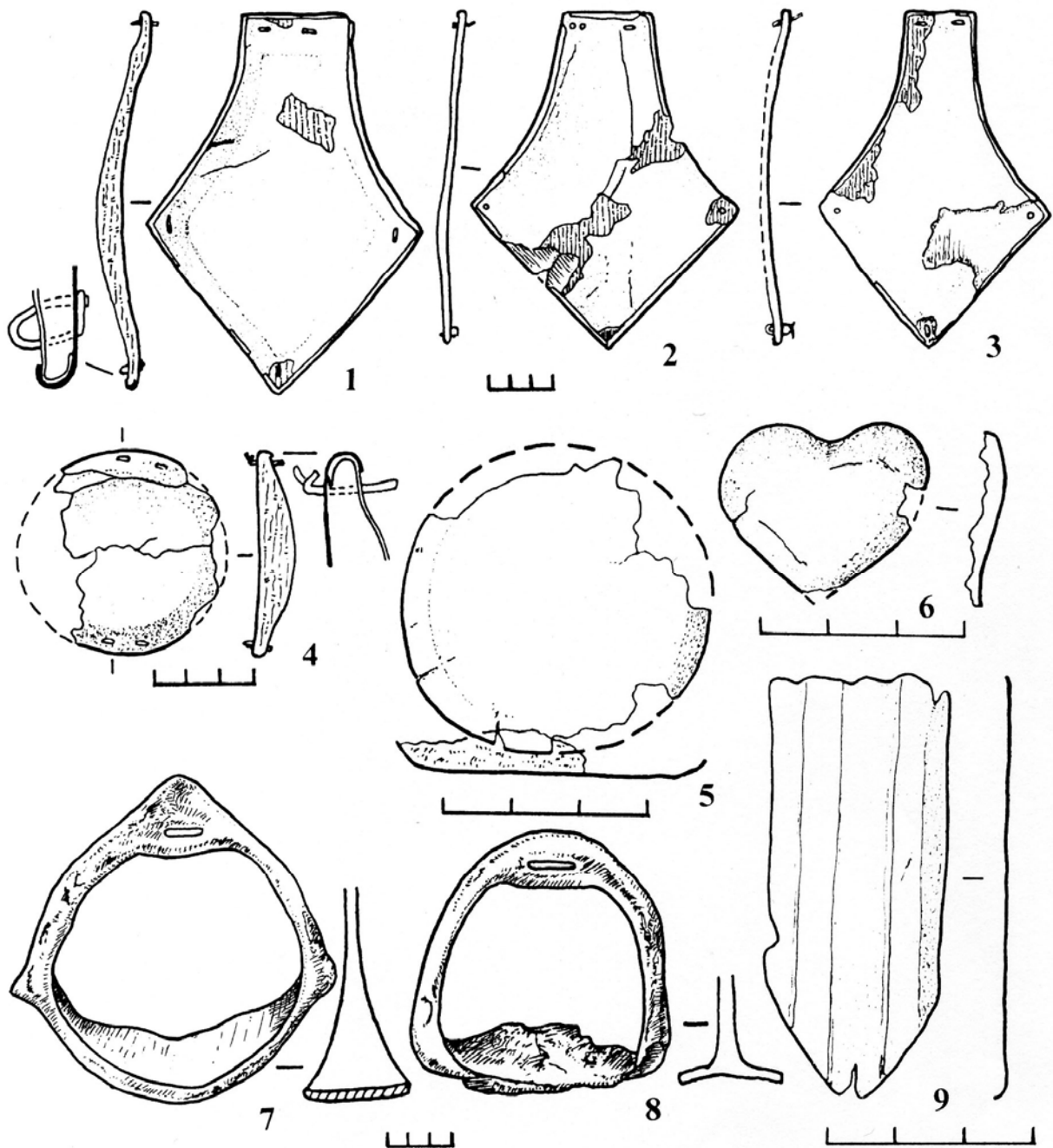

Рис. 2. Булавинское, к. I п. 1: 1-3 – бляхи-решмы; 4 – круглая бляха-решма; 5, 6 – сбруйные наременные бляхи; 7, 8 – стремяна; 9 – бляха-наконечник

Fig. 2. Bulavinskoje, barrow I burial 1: funeral

Система крепления бронзовых и серебряных листов блях № 2 и № 3 аналогична креплению листов бляхи № 1. Различие только в отсутствии деревянной прокладки в бляхах № 2 и № 3.

Бляха-решма, выпуклая, круглой формы. Тыльная сторона изготовлена из бронзового листа, лицевая – из серебряного. Между листами деревянная прокладка. С двух сторон бляхи расположены по две бронзовые скобы для крепления бронзового и серебряного листов к

деревянной основе. Соединение листов аналогично соединению листов стреловидных блях. Диаметр бляхи 9 см, толщина в средней части 1,2 см. Деталь крепления дана в масштабе 1:1 (рис. 2, 4).

Сбруйная наременная бляха. Форма круглая, диаметр 4,6 см. Изготовлена из серебряной фольги. Края немного загнуты. Сохранились остатки основы (кожа?) толщиной 0,7 см (рис. 2, 5).

Сбруйная наременная бляшка, сердцевидной формы, размером 3,2×2,2 см. Изготовлена из серебряной фольги. Сохранились остатки основы (кожа?) толщиной 0,7 см (рис. 2, 6).

Бляхи-наконечники из тонкого серебряного листа с загнутыми книзу краями (10 шт.). Один конец подтреугольной формы. На каждой пластинке в качестве ребер жесткости методом тиснения выполнены четыре продольных желобка. Длина пластинок 6,2 см, ширина 2,6 см (рис. 2, 9).

Стремя № 1 с дужкой арочной формы, квадратной в сечении. В верхней части дужка имеет треугольный расплющенный выступ длиной 3 см. В нижней части выступа пробито продолговатое отверстие длиной 1,6 см. Дужка плавно переходит в широкое выпуклое подножие. В местах соединения дужки в подножии сделаны небольшие выступы. Высота стремени 14,5 см, ширина 14 см. Ширина поперечного сечения подножия 4,5 см (рис. 2, 7).

Стремя № 2 с дужкой арочной формы, плоской в сечении. В верхней, расплющенной части дужки пробито отверстие длиной 2,3 см. Дужка плавно переходит в широкое подножие с чуть выгнутыми наружу краями. Высота стремени 12,3 см, ширина 14 см. Ширина поперечного сечения подножия 4,7 см (рис. 2, 8).

Раскопки 1986 г. Курган VI высотой 0,4 м, диаметром 12 м расположен в 330 м к западу от кургана V в группе из трех насыпей в 1,95 км к западу от г. Волновахи. Группа находится на склоне водораздела (земли Валерьяновского с/с), причем насыпи “открыты” на юг и юго-запад [ср.: Горбов и др. 1999, с. 102]. В Своде исследованных курганов эта группа идет под № 279 [Свод данных ... 2004, с. 86, с. 64, рис. 5].

Погребенная почва мощностью 0,6 м выявлена на глубине 0,4 м от вершины кургана. Насыпь состоит из гумусированной почвы. В кургане обнаружено одно погребение, разрушенное в древности.

Погребение 1 находилось в 0,44 м к северо-востоку от центра кургана. Яма подпрямоугольной формы с округлыми углами вытянута с юго-востока на северо-запад. Размеры ее 1,88×0,7 м. К северу от ямы, прорезавшей материк на глубину 0,2 м, зафиксировано пятно выкида шириной около 1 м и мощностью 0,1-0,12 м. Выкид лежит на погребенной почве. Таким образом, глубина ямы п. 1 составляет 0,8 м (1,2 м от вершины кургана). В восточной части ямы на пятне коричневого (рис. 3, 1) и желтого (рис. 3, 2) тлена лежали несколько фрагментов костей взрослого человека (бедренная, малая берцовая (?), тазовая), бронзовая сбруйная бляха, бронзовая пряжка, железные нож и пряжка, наконечник стрелы, кресало с кремешком (рис. 3).

Крестообразная сбруйная бляха размером 5,8×5,7 см изготовлена из белой бронзы, украшена по периметру тисненным золоченым пояском [Клименко 2008, с. 20, фото 12]. Центральная часть бляхи выпуклая, полусферической формы. Диаметр выпуклости 2,6 см, высота ее 0,9 см. В центре выпуклости углубление диаметром 0,5 см. Поверхность углубления позолочена. Вся поверхность бляхи покрыта орнаментом, выполненным чернью. Каждый из четырех концов имеет заостренную форму, длиной 1,5 см, шириной 1,8-2 см. С обратной стороны на каждом конце бляхи имеется по одному штифту с квадратной заклепкой для крепления к ремням (рис. 4, 1).

Пряжка бронзовая с рамкой лировидной формы и подвижным железным язычком. Щиток вытянутый с подтреугольным завершением. Размер рамки 1,9×1,4 см. Длина язычка 1,5 см, всей пряжки – 3,2 см (рис. 4, 2).

Пряжка железная с подвижным язычком. Размеры 4×2,8 см. Длина язычка 3,2 см (рис. 4, 3).

Нож железный длиной 11,5 см. Лезвие длиной 7 см, шириной 1,5 см. Толщина спинки 0,55 см. Сечение трапецевидное. Рукоять длиной 4,5 см, шириной 1,1 см, толщиной 0,3 см. Сечение овальной формы (рис. 4, 4).

Железный черешковый наконечник стрелы ромбовидной или пирамидальной, вытянутой формы. В сечении плоский. Длина 2,1 см, ширина 1,5 см. Диаметр основания 0,8 см. На черенке длиной 3,7 см сохранилась часть древка диаметром 0,6 см (рис. 4, 5).

Кресало железное, калачевидное, с треугольным язычком. Длина изделия – 8,9 см (рис. 4, 6).

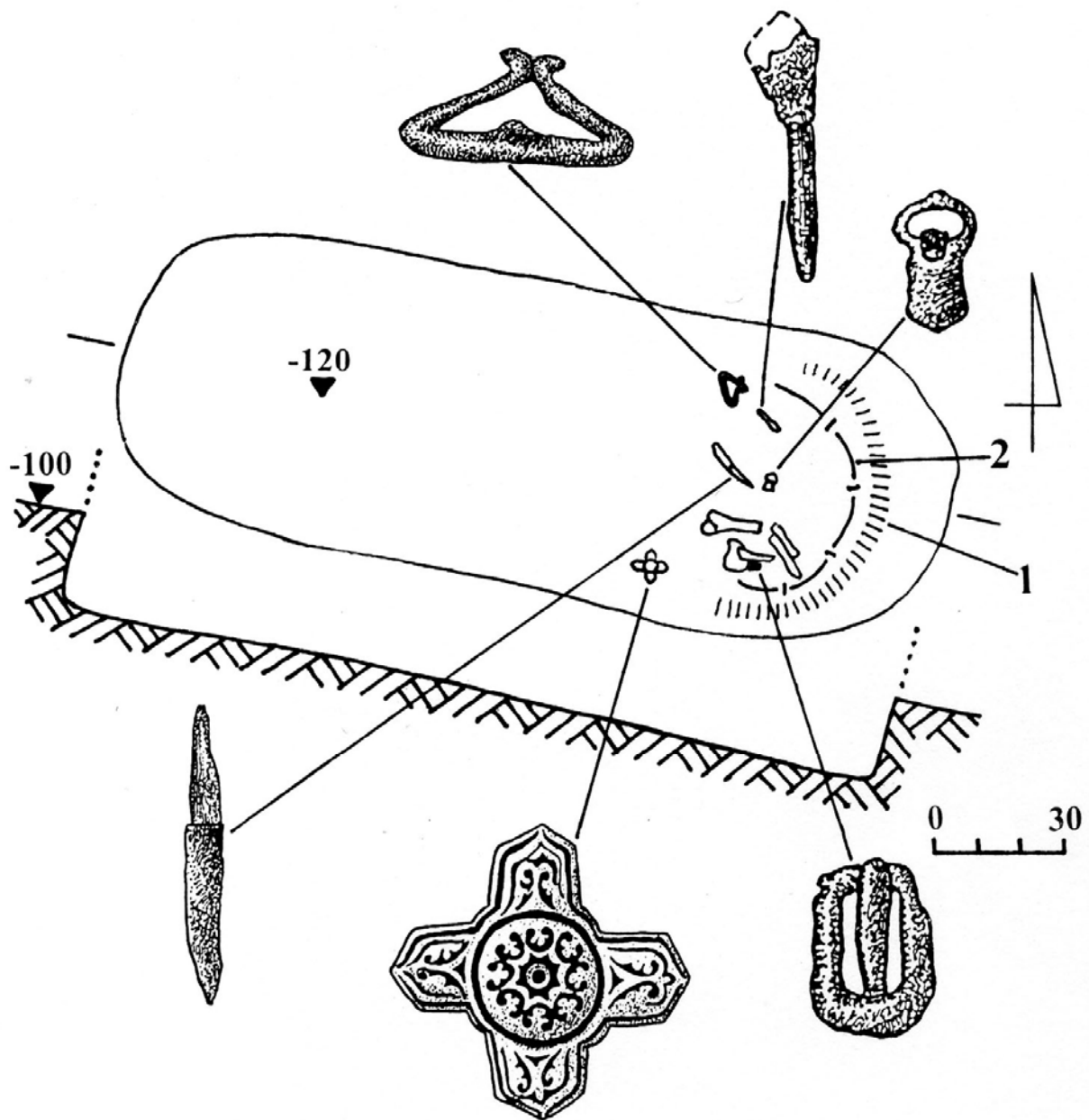

Рис. 3. Волноваха, к. VI п. 1 (рисунки-схемы инвентаря даны в разных масштабах):

1 – границы коричневого тлена; 2 – границы желтого тлена

Fig. 3. Volnovaha, barrow VI burial 1: funeral (figures-schemes of funeral are given in different scales)

Наиболее интересной деталью инвентаря обоих кочевнических погребений являются различные металлические наременные сбруйные украшения, особенно бляхи-решмы из булавинского комплекса.

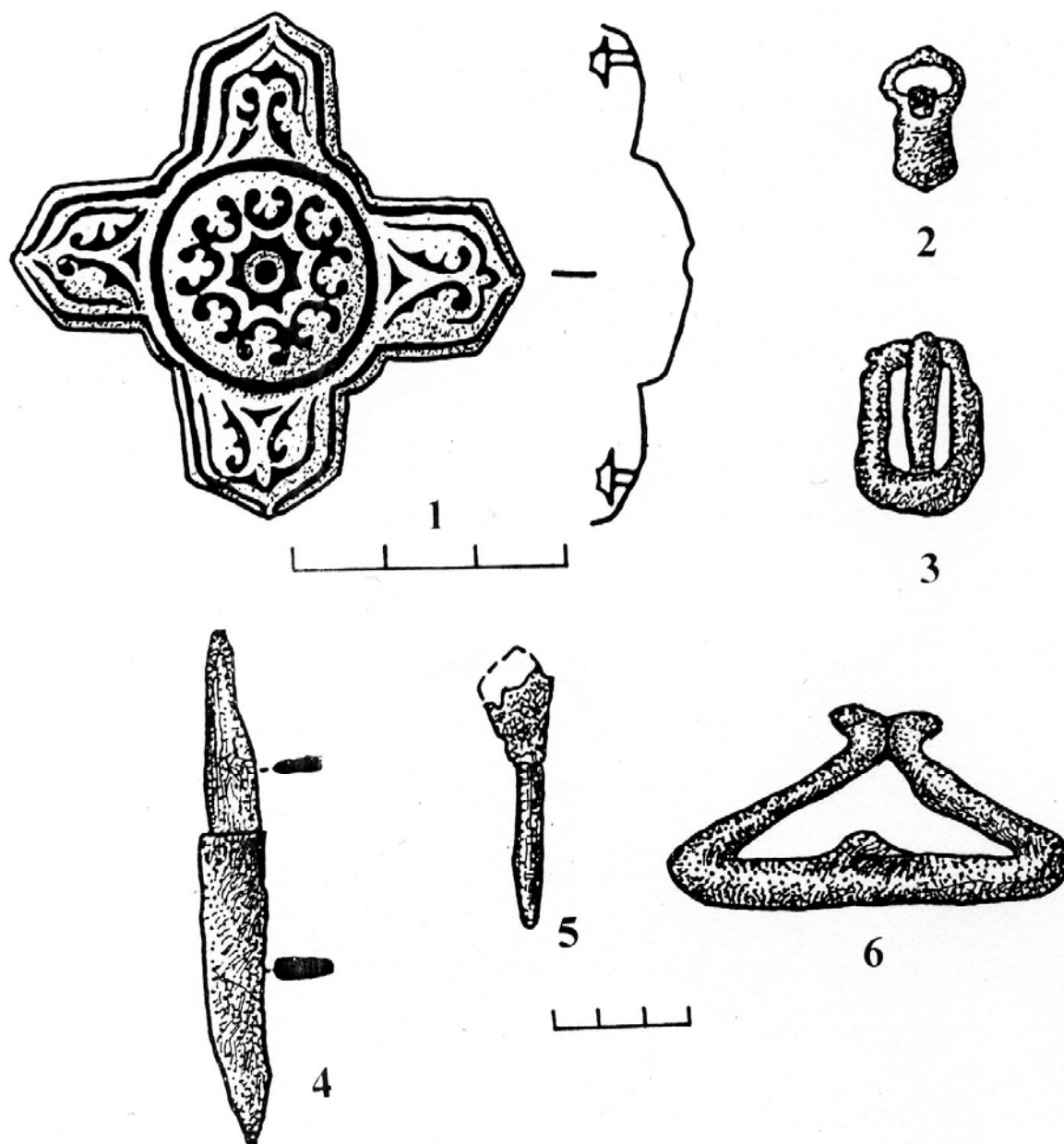

Рис. 4. Волноваха, к. VI п. 1: 1 – сбруйная крестообразная бляха;
2 – лировидная наременная пряжка; 3 – железная наременная пряжка;
4 – нож; 5 – наконечник стрелы; 6 – кресало

Fig. 3. Volnovaha, barrow VI burial 1: funeral

Центральное место в этом наборе украшений занимают большие стреловидные бляхи.

Бляха-решма № 1 найдена отдельно от двух других стреловидных блях (рис. 1). Разумеется, из-за разрушения погребения, этот факт сам по себе не может быть решающим. Но бляха № 1 отличается от блях-решм № 2 и № 3 размерами (больше) и деталями изготовления (деревянная прокладка между листами и проковка по периметру). Кроме того, бляха № 1 найдена вместе с десятью серебряными бляхами-наконечниками (рис. 1). В сочетании с таким количеством небольших блях-наконечников бляха № 1 может составлять отдельный набор украшений конского оголовья, во многом аналогичный набору подобных украшений из п. 7 кургана 3 могильника у 15-го поселка Волгоградской обл.: одна крупная бляха-решма и восемь сохранившихся (судя по симметричности их должно быть десять) вытянутых блях-наконечников [Гаврилина 1991, с. 148-149, рис. 1]. Правда, украшениями

конского оголовья в булавинском комплексе могут выступать и бляхи-решмы № 2 и № 3, поскольку, как утверждает Л.М. Гаврилина, в набор оголовья обычно входили две такие бляхи [Гаврилина 1993, с. 79]. И все-таки, остатками украшений оголовья являются, скорее всего, бляха-решма № 1 и десять блях-наконечников, поскольку они найдены возле нижней лошадиной челюсти. Впрочем, точная реконструкция ремней конской сбруи булавинского комплекса невозможна, однако с большой долей вероятности можно утверждать, что в булавинском погребении найдены остатки “полного” набора конской сбруи, а не более часто встречаемые при раскопках ремни и украшения только конского оголовья [ср.: Гаврилина 1991, с. 148].

В погребении у г. Волновахи сохранились украшения как раз ремней оголовья: крестообразная бляха перекрестья (рис. 4, 1), применяемая обычно на пересечениях налобного и наносного ремней с нащечными [Гаврилина 1987, с. 55] и сбруйные наременные пряжки.

Хронологическая позиция булавинского и волновахского погребений более-менее понятна. Бляхи-решмы из кургана у п. Булавино датируются X – нач. XI вв. [Гаврилина 1987, с. 63] или XI в. [Гаврилина 1993, с. 81; Плетнева 1981, рис. 82]. Этим же временем датируются и бляхи-наконечники [Гаврилина 1987, с. 63]. Однако помещенные с бляхами в погребение стремяна относятся по классификации Г.А. Федорова-Давыдова к типам ГIV и ЕП [Федоров-Давыдов 1966, с. 12, 13] и не встречаются ранее XII в. [Федоров-Давыдов 1966, с. 16]. По С.А. Плетневой стремяна с широкими подножиями и дуговидными дужками тоже относятся к XII в. [Плетнева 1981, с. 215]. К этому же времени относится и начало сооружения могил с уступами вдоль длинных сторон [Добролюбский 1991, с. 13], а также конструкция насыпи булавинского кургана [ср. Федоров-Давыдов 1966, с. 120-122].

Этим же временем (вероятно, чуть более ранним) датируется и волновахский комплекс. Бронзовые лировидные пряжки появляются в XI в. [Плетнева 1981, с. 217]. Крестообразная сбруйная бляха также относится к XI в. [Гаврилина 1987, с. 64]. Железное кресало по типологии позднекочевнических кресал относится к I отделу, типу – калачевидные, 1 варианту [Евглевский, Потемкина 2000, с. 183, с. 190, рис. 3, 43]. Время бытования подобных кресал исследователи определяют IX-XI вв. [Евглевский, Потемкина 2000, с. 191]. Замечу, что А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина обращают внимание на необычное расположение концов волновахского кресала, которые в верхней части пересекаются, образуя косой крест [Евглевский, Потемкина 2000, с. 183]. Ошибочность подобного утверждения подтвердилась при внимательном изучении предмета. Скорее всего, концы кресала имеют завитки, как и большинство кресал этого типа.

В отношении обоих погребений следует, на мой взгляд, отметить еще одну деталь, напрямую не связанную с украшениями конской сбруи. Ранее говорилось о том, что и булавино, и волновахское позднекочевнические погребения ограблены в древности [Клименко 1975; 1988, с. 284; 1998, с. 64]. Однако поднятая полевая документация, данные архива автора, а главное, недавние разработки коллег [Флеров 1997, с. 69; 2000, с. 55-74; 2005, с. 383-406; Круглов 2001, с. 405-417] позволили посмотреть на давно исследованные комплексы под иным углом зрения. В обоих случаях погребения при раскопках попали под центральную бровку, что дало возможность проследить профили от верха насыпи вплоть до дна погребальных ям. Как уже было сказано выше, погребенная почва в булавино кургане не фиксировалась, однако над погребением нет никаких перекопов, а главное – не нарушена обкладка насыпи в виде панциря. В центральной бровке волновахского кургана VI погребенная почва зафиксирована довольно хорошо, как и выкид на ней из погребения. Каких-либо следов перекопов, воронок и затеков не обнаружено [ср.: Круглов 2001, с. 405]¹.

¹ Говоря о кургане VI, следует обратить внимание и на курган IV из той же группы, исследованной в 1986 г. [Клименко 1998, с. 59]. В кургане IV (высота 1 м, диаметр 14 м) в центре обнаружено единственное позднекочевническое разрушенное погребение [Клименко 1998, с. 59-60]. Яма погребения при раскопках попала под центральную бровку, что позволило зафиксировать довольно обширный выкид, лежавший на

Очевидно, перед нами не ограбления позднекочевнических погребений, а факты ритуального их разрушения – обряд обезвреживания погребенных [ср.: Флеров 1997, с. 69; 2000, с. 55-74; Круглов 2001, с. 405-417; Шульга 2003, с. 102-105; Комар 2009, с. 299-301, 307; Хоружая 2009, с. 279 и др.] или, как уточняет В.С. Флеров – постпогребальные обряды [Флеров 2005, с. 385]².

Клименко В.Ф.

ДВА ЗБРУЙНИХ КОМПЛЕКСИ ПОХОВАНЬ КОЧОВИКІВ У ДОНБАСІ

Статтю присвячено двом курганам, розкопаним у 1975 і 1986 рр. Ці кургани містили по одному похованню середньовічних кочовиків, в яких було знайдено металеві збройні прикраси. Подано опис комплексів, обґрунтовано хронологічну позицію обох поховань. Вивчення стратиграфії дозволяє вважати, що поховання були не пограбованими, а ритуально зруйнованими, що пов'язано з обрядом знешкодження похованих.

Ключові слова: середньовіччя, кочовики, поховання, збройні прикраси, стратиграфія, ритуальна руйнація.

Klimenko V.F.

TWO HARNESS COMPLEXES OF NOMADIC BURIALS IN THE DONETS BASIN

The article focuses on two barrows excavated in 1975 and 1986. Each of these barrows contained a single burial of medieval nomads where among the grave goods metal decorations of harness were found. The paper presents the description of the complexes and proves the chronological position of both burials. The data of the stratigraphy permits to assume that the burials were not robbed but subjected to the ritual destruction, i.e. ritual neutralization of the deceased.

Keywords: Middle Ages, Nomads, burials, decorations of harness, stratigraphy, ritual destruction.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гаврилина Л.М. Сбройные украшения у кочевников Восточной Европы X-XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста, 1987. – С. 54-68.

Гаврилина Л.М. Металлические украшения сбруи из кочевнического погребения X века в Нижнем Поволжье // Материалы по археологии Калмыкии. – Элиста, 1991. – С. 147-155.

Гаврилина Л.М. Бляхи-решмы и украшения узды у кочевников Восточной Европы X-XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара, 1993. – С. 77-85.

Горбов В.Н., Прудюс С.И., Усачук А.Н. Каменные Могила в мировоззрении древнего населения приазовской степи // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 102-107.

погребенной почве к северу и югу от ямы. Насыпь кургана IV так же не нарушена, как и насыпь волновахского кургана VI и, тем не менее, инвентарь сохранился фрагментарно, а от погребенного осталось несколько обломков костей [Клименко 1998, с. 60, с. 57, рис. 19, 4].

² Автор выражает искреннюю признательность за помощь при работе над статьей своим коллегам А.Н. Усачуку и А.В. Евглевскому.

Добролюбский А.О. Кочевники на западе причерноморских степей в X-XVIII веков (историко-археологическое исследование): автореф. дис. ... доктора ист. наук: спец. 07.00.06 "Археология". – СПб., 1991. – 34 с.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2000. – Т. 1. – С. 181-208.

Клименко В.Ф. Раскопки кургана в п. Булавинское близ г. Енакиева Донецкой области в 1975 г. – НА ІА НАН України. – 1975/41.

Клименко В.Ф. Раскопки курганов у г.Волновахи // АО 1986 г. – М.: Наука, 1988. – С. 283-284.

Клименко В.Ф. Курганы юга Донетчины. – Енакиево, 1998. – 220 с.

Клименко В.Ф. Мой путь в археологии: Романтика и реальность. – Донецк, 2008. – 39 с.

Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И. Курганные древности Центрального Донбасса. – Донецк, 1994. – 128 с.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Древности родного края. – Донецк, 1991. – 40 с.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Древности Донецкого края. – Енакиево, 2002. – 54 с.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Украшение сруби коня из половецких курганов Донбасса // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України: матер. II-ї Луганської міжнар. історико-археологічної конф. – Луганськ: Шлях, 2005. – С. 181-182.

Комар А.В. Курганы VIII в. у села Астахово // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Донецк, 2009. – Т. 7. – С. 295-314.

Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2: Хазарское время. – Донецк, 2001. – С. 395-446.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 213-222.

Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX веке / Авторы-составители: А.Н. Усачук, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимидапов, Р.А. Литвиненко // АА. – № 14: Курганы Донбасса. – Донецк, 2004. – С. 56-109.

Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность // АА. – № 14: Курганы Донбасса. – Донецк, 2004. – С. 13-55.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – 274 с.

Флёров В.С. Салтово-маяцкая культура: проблема ограбленности погребений // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Дмитрия Ивановича Багалея: тез. докл. науч. конф. – Харьков, 1997. – С. 69.

Флёров В.С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2000. – Т. 1. – С. 55-74.

Флёров В.С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 4: Хазарское время. – Донецк, 2005. – С. 383-406.

Хоружая М.В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 7: Хазарское время. – Донецк, 2009. – С. 259-294.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул, 2003. – 204 с.